

**ВАЦЛАВ
ВОРОВСКИЙ**

ГОРЕ
НЕУТЕШНОЙ
ВДОВИЦЫ

Вацлав Вацлавович Воровский

Горе неутешной вдовицы

Аннотация

«Сидит помещица Гурмыжская у окошка; смотрит на улицу, а слезы так и капают и капают из глаз.

Сегодня благовещение. Солнце радостно, во весь рот смеется, глядя на землю, птицы бросили вить гнезда и весело чирикают, колокола заливаются бодрыми голосами. Все настроено торжественно, празднично...»

Содержание

Вацлав Воровский

Горе неутешной вдовицы

Сидит помещица Гурмыжская у окошка; смотрит на улицу, а слезы так и капают и капают из глаз¹.

Сегодня благовещение. Солнце радостно, во весь рот смеется, глядя на землю, птицы бросили вить гнезда и весело чирикают, колокола заливаются бодрими голосами. Все настроено торжественно, празднично.

И люди стали лучше, пригляднее. Большевики и меньшевики мирно играют в бабки, и хотя ме-ки плутуют, бе-ки не обижаются и не лезут в драку. Энесы и эсеры², трудовики надели чистые кумачные рубахи, ярко вычистили сапоги бутылками, смазали волосы лампадным маслом и гуляют кучками, щелкая подсолнухи и напевая «Дубинушку».

Но городской, стоящий на посту, не боится их сегодня. Он знает, что в этот день и бомба не взрывается и браунинг не палит. Даже Крушеван с Пуришкевичем³ отказались на сегодня от погромов и едут на извозчиках на острова.

¹ *Гурмыжская* – помещица из драмы А. Н. Островского «Лес». В данном случае с образом Гурмыжской ассоциируется у автора представление о кадетской партии.

² *Ме-ки* – меньшевики, *бе-ки* – большевики, *энесы* – народные социалисты, *эсеры* – социалисты-революционеры.

³ *Крушеван* и *Пуришкевич* – руководители черносотенных союзов, организаторы и вдохновители многих погромов.

Все довольны, все веселы. Только она одна, несчастная неутешная вдовица, сидит, пригорюнившись, и крупные слезы стучат, как горох, о подоконник.

Уж она ли его не любит, она ли его не старается убажить? Ведь ради него она рассорилась со своими соседями, которые подговаривали ее сделать ему неприятности; а ведь, по совести, среди соседей есть хорошие люди и жить с ними можно бы ладком. Ради него же она рассчитала булочника-финна, который кормил ее Выборгскими кренделями. Ради него же она продала татарину все красные тряпки, которые залежались еще со старых времен. Ведь он такой странный: русский – а не любит красного цвета! Она, положим, также уже не любит красного: такова сила любви! В последнее время он что-то зеленого начал не любить; придется перекрасить шелковое платье в желтый цвет, тогда и он будет добрее, да и ей больше к лицу.

Чего, чего она не делала, чтобы понравиться ему... А он все гордится, все отворачивается! Вон, вон идет он, какой гордый, какой неприступный...

Слезы Гурмыжской сразу высохли, глаза загорелись. Мимо окон прошел Кшепищюльский⁴ (произведен 17-го октября в околоточные надзиратели). Он шел, важно закинув голову, с портфелем под мышкой, и свернул во двор помещицы.

⁴ *Кшепищюльский* – полицейский из «Истории одного города» М. Е. Салтыкова-Щедрина.

Вдова заволновалась. Она бросилась к окну, выходящему во двор, и жадно впилась в стекло. А со двора доносился звучный голос Кшешпицюльского, ругавшего у помойной ямы дворника.

– Болван, сколько раз тебе говорено: прикрывай аккуратнее лидвалиаду⁵. Опять какой-нибудь Гурко оступится. Теперь, так да растак тебя, у нас конституция!

Гурмыжская кинулась в кухню.

– Матрена, Матрена! – кричала она, – беги скорее, скажи г-ну надзирателю, что я насчет выкупа по справедливой оценке исправила⁶. Я согласна продавать землю генералов по их ценам. Скажи, что я всегда, мол, всей душой. Да попроси, может зайдут чай пить; я ведь, – она стыдливо опустила глаза, – к ним во время выборов заходила. Сколько меня за это сицилисты поносили!

Матрена вышла, и вскоре из-под помойной ямы раздался

⁵ *Лидвалиада* – от фамилии спекулянта Лидваля, который вместо продовольствия для голодающих поставил партию новых ватерклозетов с большой выгодой для себя. В махинациях Лидваля оказался замешан товарищ министра внутренних дел В. Гурко, который авансировал Лидваля 800 тыс. руб. из государственных средств. Дело Лидваля – Гурко прогрессивная общественность использовала для разоблачения царской бюрократии. Гурко был отдан под суд сенаторов, но отделался лишь служебной отставкой.

⁶ Сначала кадеты считали, что выкуп помещичьих земель для передачи крестьянам должен производиться по «справедливой оценке», устанавливаемой государством, а потом, под нажимом помещиков, сняли это требование, согласившись, что выкуп должен производиться по ценам, устанавливаемым самими помещиками, т. е. втридорога.

грозный голос Кшепшицюльского:

– Ты что мне, дура, зубы заговариваешь! Ты спроси-ка лучше твою барыню, кто ей позволил посылать письма родным в имение без ведома полиции.

Гурмыжская замерла... – Что я наделала, – мелькнуло у нее в голове. Но она быстро опомнилась. Она распахнула окно, и, когда околоточный проходил мимо, начала говорить умышленно громко:

– Ах, какая ты, Матрена; ну почему ты не снесла в участок мое письмо к дяде? Следующий раз непременно носи все мои письма сначала г-ну надзирателю, а потом уж на почту.

Кшепшицюльский услышал эти слова; он самодовольно подкрутил ус, поднял глаза к окошку и небрежно приложил руку к козырьку.

Гурмыжская заалела, как маков цвет, сердце у нее радостно забилося, и душа наполнилась трепетом сладостного предчувствия.

Фавн

«Наше эхо»⁷,

27 марта 1907 г.

⁷ «Наше эхо» – ежедневная большевистская газета, выходившая с 25 марта по 10 апреля 1907 г. в Петербурге при активном участии В. И. Ленина.